

Наедине со всеми

Как сожалению, не подхватила будущего режиссера или сценариста. Не создала семью с человеком, который бы мною вдохновлялся. Были у меня большие провалы, паузы большие были. Я их очень пламенно переживала. Даже порой трагически. Потому что мне казалось: вот как стали хвалить за роль Ульяны Громовой, так же все должно и дальше идти — как солнце всходит и заходит. То есть это тот самый язык для разговоров с жизнью, какой и должен быть, раз я пришла в искусство кино. А потом оказалось совсем не так.

Первые четыре года были просто из-за того, что мы попали, как в яблочко, в эти роли — внешне и внутренне. Вот я, например, пережила оккупацию, у нас тоже своя "молодая гвардия" была. Я, правда, еще школьницей была, а комсомольцы много сделали. И мы, школьники, тоже понимали, что пришел часок дядька, значит надо его убить. Я это все испытала. И страшного было много, все повидала. И еще — "Молодая гвардия", фильм.

Мы еще студентами были во ВГИКе, это была наша практика. Нам казалось, что мы и есть самые лучшие, такие честные, такие ударники труда. Старались, в Краснодоне четыре месяца жили. А как вышла "Молодая гвардия", так ни одна студия, ни один режиссер нас снимать не брала. Говорили: опять будет на экране Ульяна Громова. Такое было сильное впечатление от этого фильма.

Четыре года я очень переживала. С моим неумным характером сколько раз вскакивала на трибуну в Доме кино и плакала. Не могла понять: мы же такие хорошие, мы же такие услужливые, мы же понимаем суть фильма, суть роли — ну как мимо нас так холодно проходит, едва здороваясь, режиссеры?

Потом меня взяли на картину "Калиновский" украинской киностудии. Это была экранизация давно шедшего спектакля, но исполнительница главной роли уже по возрасту не подходила. Говорят на украинском языке для меня и сейчас ничего не стоит и я там бы стреленко сыграла очень средне. И картина получилась средняя. И — пауза. Вою жизнь паузы были. Сначала я в них не могла разобратся, а потом стала как бы понимать: у кого поддержка есть художественная муж с этим делом связан или же большой порт человек занимает на телевидении, на студии — тому легче. Я знаю такую пару: Чурикова и Панфилов, Чурикова для меня — богиня. Просто не знаю я равных такой актрисе. И вот такой альянс поддерживай надо, когда мужу нужен любит и может все ее грани раскрыть. Все грани талантливой-преглантливой актрисы.

Никита Михалков — он меня полюбил. Со своей точки зрения. Влюбился, впился, выпил из меня кровь, но одной гранью поиграл — и до свидания. А, наверное, если бы я была молодой и была бы его женой, он бы увидел во мне что-то еще, кроме колхозной тетки.

Меня однажды Ефремов звал во МХАТ. Очень просил. Но пьеса была плохая. Я думала, если я пойду, будет говоряня кругом, ре-

Года три назад как-то бочком, тихонько в кинематографические круги прониклась информация: Британская энциклопедия "Кто есть кто" включила Нонну Мордюкову в десятку лучших актрис мира. Что мы пережили? Удивление не было — хоть и последнее время о ней говорим, но молча, твердо знаем: великая. Было чувство гордости за великих британцев: разглядели, разгадали — такую нашу. И такую — чисто по-нашему — недовостребованную, недооцененную, в отечестве своем недовоспетую.

27 ноября у Нонны Викторовны день рождения. Круглая дата. Не то что говорить — слышать об этом она не желает. Одному нашему коллеге, с которым дружит лет десять, в ответ на просьбу дать юбилейное интервью заявила: "Я вам сказала — Нет с большой буквы". Он настаивал, она отрезала: "Впервые за все годы нашей дружбы вы мне не кажетесь унылым человеком".

Монолог Нонны Мордюковой, который публикуем мы, записан во время актерского фестиваля "Созвездие". Был круглый стол, вопрос стоял так: "Нужна ли сейчас Нонна Мордюкова нашему кино?" Дикий вопрос. Но ответ вы знаете сами. Запись тогдашнего, на диво горячего и открытого, разговора некоторое время оставалась, что называется, в редакционном портфеле. Все казалось: что-нибудь изменится, будет что добавить. Оказалось, что добавить почти нечего. Кроме того, что со всем своим несбывшимся живет среди нас Великая Актриса. А мы знаем, помним: живем при ней, в ее время. Значит, время это — не пустое, значит — надеемся.

Низко вам кланяемся, Нонна Викторовна. С днем рождения! Будьте здоровы.

Редакция "ЭС"

Редакция "ЭС"

“Я не признаю белого

цензии. Вот, мол, Ефремов, вот взял киноактрису — а пьеса плохая. Я тогда — как бы сказать? — была хамовитее, чем теперь. Решила: ну, что делать? Ну и что МХАТ, неинтересно мне — да и ладно. А другая бы, умная, жила! И не было были никакой. Был эпизод в огороде — я да Нифонтова. Когда хотят, так и дежурят, и найдут, не беспокойтеся. И в другой стране найдут, когда позарез. А не хотят — тут хоть убейся.

Конечно, я в простоях не на месте стояла. Концертная деятельность была большая. И одно время я была такой пылкой общественницей. Выступала по воинским частям, по интернатам. Целину мы осваивали, когда там еще только первые столбики были "Добро пожаловать!" Выступали на грузовиках, потом нам обед давали — бесплатно же все тогда было. Покорять или водки дадут. А мы еще молодые были, не пили.

Вдруг как-то Павел Лунгин меня взял на эпизодическую роликшу. Я действительно подходила. Подразумевала Нину Андрееву, убежденную такую коммунистку. Баяла, правда, вариант немножко придумовывать. Это что себя соргет — я их не люблю, этих их партокбачен. И сделала из нее полудурка такого. И Пашка был влюблен в меня. И написал автограф: мы с тобой одной крови, мы так любим друг друга, мы так весело работали. Но теперь я же не могу ему сказать — ну давай же, ты ж так меня любил, мы ж одной крови. Разве я могу ему это называть?

Мы — инструменты. Возмните какого-нибудь мастеравого, что ему нужно под правую руку в данный момент — то молоток, то пассатижи, то гвозди — он то и схватит. А тут вдруг — ух, вот этот кубик надо, Мордюкову, где бы

только ни была. Как Рохаль — он так во мне нуждался, что даже написал телеграмму в другую картину, где я снималась: "Срочно высылать Мордюкову. Волга перекрывается, полк жует". И не было были никакой. Был эпизод в огороде — я да Нифонтова. Когда хотят, так и дежурят, и найдут, не беспокойтеся. И в другой стране найдут, когда позарез. А не хотят — тут хоть убейся.

Конечно, я в простоях не на месте стояла. Концертная деятельность была большая. И одно время я была такой пылкой общественницей. Выступала по воинским частям, по интернатам. Целину мы осваивали, когда там еще только первые столбики были "Добро пожаловать!" Выступали на грузовиках, потом нам обед давали — бесплатно же все тогда было. Покорять или водки дадут. А мы еще молодые были, не пили.

Вот тут сказали: Мэрил Стрип не замужем за режиссером, и тем не менее вдохновляет десятки режиссеров. А я скажу: она в другой стране все-таки живет. Я так была, а Америку, видела. Там к таланту прилипсовывается еще и корыстность к ней отношение. Они хотят, пока она еще молодая, цветущая, пока она брызжет талантом, еще и еще ее снять, еще раз ее переписать. И там считается престижным признавать таланты. Если ты признаешь талант, то как бы и себя орошаешь до достоянием. У нас так поставлено, чтобы талант не признавать. У нас другая система. Они там налетают на эту красавицу, на эту талантливую женщину, потому что могут с нее денег нарыть. А с меня никто богатеть не

будет. Нашим актерам, конечно, тоже, может, надо перестраиваться. Почему, если на президентом можно себя выдвигать или на мэра города, то нельзя и актерам за себя постоять? Но не для меня это. Я не представляю себе белого танца в кинематографе. Он у меня идет где-то рядом с любовью. С любовью мужчины и женщины. Мне все кажется, что вот я емь, и какие-то витают высокие материи, и кто-то... как Васяка Катанян пришел мне ночью письмо. Я пришла ночью, в ящике — письмо. И такое он мне написал после очередного фильма, такие там слова, вы даже не представляете. И я думаю, вот кто-то будет ночью не спать и вспомнит и полюбит мое трудолюбие, мою пылкость, мою преданность кино, мою любовь крутить этот кубик Рубика, химичить, искать, мучиться. Это уже у меня не отнять, я могу кому-то нравиться, кому-то не нравиться, но это у меня не отнять. И все мне кажется, что какая-то птица летает и будет фильм, и будет приглашение, и буду я мучиться и пробоваться, и будет — все.

Я вам маленькую тайну открою: мне предлагают какую-то главную роль — попробоваться, и я сценарий подробно не читаю. Чуть-чуть знакомлюсь — и отстраняюсь. Потому что я должна, ну как бы окантовать не на земле, а над землей, как-то вне ситуации реально — иначе я работать не могу. И плюс к тому — я ставлю все главное на потом. Когда уже меня утвердят, когда я буду точно знать, что я буду играть эту роль, тогда уже я

не только в селе Шураново, но и в "Попаютца пелине", и в "Молодой гвардии" все люди, люди — настоящие! Они могут и последним куском поделиться, и помочь, если надо, и спеть песню наизусть.

"Саша, Саша! Потше, уймись!" — учили ее педагоги. А Саша уж если захохочет, то слышно далеко. "Ну и что? Дите с голосом родилось!" — говорил преподаватель физикулы. Она приложит ладонь ко рту и начинает смеяться тихо. А то бывало, как приснет, скривит лицо, так засмеется и те, которые даже не знали, в чем дело. Много ли надо тому, кто смешился, и тому, кто хочет отвлечься от занятий! "Цытьте!" — грозила пальцем Саша. — Роста идет" (Ростислав Васильевич).

По всем предметам у нее пятерки. Все прочитано, усвоено, но посямается — хлебом не корми! Мы просили пересказать тот или иной обязательный по общеобразовательной программе роман. Она садилась и рассказывала. Шли и сдавали, кто на тройку, а кто и на четверку.

Сильный голос не соответствовал ее лирической внешности, шаловливости. Мы бесстрастно заводили ее в свободную аудиторию, просили спеть. Она не отказывалась — пела и пела. Меня Саша полюбила, урысками заглядывала в нашу аудиторию и, подморочив, вызывала в коридор на перемене.

Никто из нас не был еще влюблен: так, поцеловывались с мальчишками по темным углам — и все. Ребята с вечера дружок предлагали, к утру мы ни готовили ответы. Через сутки без обид и выяснений альянсы рушились. До серьезного дело не доходило — зачем? И так хорошо. Главное — блеснуть по основному предмету — мастерству актера. И педагог хлопотал по плечу, и мальчик какой-нибудь в столовую пригласит, или место займет в просмотровом зале, где фильмы показывали по программе.

Саша как-то надела ветхое тряпье старухи и так произнесла монолог на экзамене, что до слез все довела. Спектакль

Журан и сценарий

буду этот сценарий не только смаковать, но и еще — все режиссеры, которые со мной работали, не дадут соврать — буду его обогащать своими личными впечатлениями. Своей еще не оформленной литературой в клочках, которая в каких-то там мешках и чувалах пока валяется. Я их беру эти куски в роль.

Позтому позвонить мне самой какому-то режиссеру, это все равно, что предложить мужчине себя как женщину.

Были, конечно, времена Морозова, Дятлева. Не в менатотате дело, они же еще были и понимающими в искусстве людьми. Они знали, что им нужно. Понимали, как любить. Бы только не понимали меня так уж буквально, а то я сойду за городскую сумасшедшую. Я ведь не про романтические какие-то варианты говорю. Эта любовь в процессе, когда работаю, она совсем особенная.

Сейчас смешное рассказку. Когда мне позвонил один дядька чужой и говорит: "А знаете, вы входите в десятку лучших актрис мира", я думаю: ну что он мелет, чушь какая-то, наверное, надо где-то выступить, в совхозе где-нибудь или на ткацкой фабрике, вот он и брешет. Я говорю, спасибо, спасибо большое. Потом еще мазок какой-то, как зарница протепела: знаешь, ты там вместе с Раисовской и грузинкой Верико Анджапаридзе. О, Боже ж мой! Я не пойму, что же? И вдруг меня хватает паренек из "Аргументов и фактов". Прямо пришел в Олимпийскую деревню — я туда

ему на глаза. Вот так мы воспитаны. Так воспитана и я. И когда я шла на пробы уже в шестой или в пятый раз, уже чуть не полкартин на пробах сыграв, я прямо рыдала. Но все равно шла и шла и была утверждена и сыграла, как вы знаете, эту роль.

Хорошо бы, конечно, были какие-то агенты, которые бы за нас хлопотали. Не бляваны, — толковые. Но тут надо одну вещь понять. Ведь когда художник идет с этим, михайбертом некоем себе натуре, он же роет и роет, он же ищет и ищет, пока не найдет себе то лицо, которое вызовит до портрета. Так же точно в кинематографе, если говорить про большой кинематограф. Если вы имеете дело с Никитой Михалковым, с его братом Андреем Кончаловским, с Тарковским покойным — если говорить о таком кинематографе, то, конечно, он идет и ищет сам, и ему навязать невозможно. А предложить... у них, знаете, все на учете.

Если мне предложить сейчас роль начальницы какой-нибудь подпольного борделя, то что я стану делать? Вот я попробую — не знаю, хватит ли у меня слов для вашего поколения — разъяснить, что такое было наше пребывание в процессе создания фильма. Мы находились в таком сладостном, благодатном каком-то пространстве, что нас совершенно не интересовала — ни афиша, ни что будет дальше. Мы были вот такая особая прослойка людей кино. Почему мы и обжа-

лись и страдали.

Как я страдала, когда я не была в "Тихом Доне"? Я мне казалось, и в искусство пришла, чтобы быть "Тихим Доном". Чтобы быть кем угодно: помощником режиссера или даже каким-нибудь или самим Григорием Мелеховым. Как угодно, но "Тихий Дон" — это я. И у меня совершенно не было в голове, что потом будут Канны-манны — Боже сохрани! Это все было мертво и неинтересно. Самое главное, было обидно, что даже сам писатель, сам сценарист не понимал, кого он потерял в моем лице, не взяв меня на какую-то роль. К сожалению, у меня таких ролей несерьезных было много. А это были бы даже роли — это жизнь. Это служение тем законам, тому аромату материала, которых даже сам автор не знает. Удивляется: "Где это ты там вычитала?" А мы еще и между строк читали. Мы были, служили.

Позтому так вот начинаю на работу, как колодезь копать или забор чинить, за гроши — это нет. Нет. Я лучше возьму корычку с пенкой, полечу на Камчатку, полечу в Армавир и прекрасно себе подработаю на житье-бытье. А отдать нервы, отдать голову на что-то такое... на подпольный бордель... ни за что. Ни за какие миллионы. Поэтому мне сейчас и делать нечего. Нет того-то.

Писем я очень много получаю. Значит много вроде бы любви. Но письма — это как толпа. Толпа не лечит. Нужно из этой толпы выбирать обязательно вытяжкой какого-то человека. Человек лечит, а не толпа. Толпа — это, как лес, поляна. А вот если человека какого-

БЕНЕФИС

то встретишь, он тебя обогреет — конкретно. И сколько не было писем, это относится только к сектору профессии.

Жизнь я все равно хочу сказать, что смотрю на жизнь оптимистически. Я уже всем осточертела рассказами про свои поэзии, но я знаю наш Советский Союз вдоль и поперек. Никогда не денется! Ни кинорежиссеры, ни поэты, ни художники. Они все равно придут туда же. На круги своя. Мы так все видим в поэзках! Были в Надыме, позвали на двадцатилетие города. Никому даже не силось — тем, кто сидит там в правительственных заседаниях, — такая обстановка, которую видим мы, актеры. Эти единения людей — только люди ведь знают, как объединяться. Никакие истории, никакие ученые не знают.

Мы летим на Надым, а там такая горячая молния в небе. Такая, что просто пожарище, небо раскалывается пополам. Идут команды тревожные: "Садитесь в Уренгой!", — кричат. Садимся в Уренгой. А уренгойцы — ой, они уже знают, что самолет летит в Надым, там спросил, почему им четыре часа надо перелетать на ночь, когда они уже закончили? Никто не спросил — все объединены. А там, в Надыме тоже люди сидят, ждут. Завтра праздник, завтра мы уже должны быть на трибуне, цветы должны вручать, выступать, туда-сюда. И они все такие теплые, крутящиеся,

Я бы сейчас хотела те же самые роли сыграть. Только у меня возраст уже другой. Пора переходить на бабку с клюкой, а нехота! Так вроде ничего: подрастала, взбуждалась, глаз загорелся, а на экран только выйдешь — все восемьдесят и будет. И этот период — переходный меня очень смущает. Мы с Виткой Мерехой решили, что вот трюмчик любви: он для меня написал два сценария "Родня" и "Трясина", пусть будет и третий. Крутит, вертит, работы навалом, он не успевает. И вот в одном кинотеатре справились чествование какое-то Виткино. Обратно едем, он впереди за рулем, а я сади сиду. И он говорит: все хорошо, все хорошо. А я говорю: "Витя, я тебя умоляю, привинти там, прицепи как-нибудь, ну, не любовь, а так — ну, лечение какое-нибудь. Витя, ну вот хочешь так..."

Сам породила эту фразу и я горжусь ею: искусство — это торжество пола. Хоть вы меня убейте! Как бы ни был генерал Черкасов, но когда уже борода висит седая, паты от нее летят — это уже не искусство. И я говорю: "Витя, ну прикрути обязательно, что то-нибудь там по ней плачет, может, малолеток какой-нибудь". Ведь как наш возраст, так за нами обязательно малолетки ходят всякие... тридцатипятилетние. Мерехку спрашиваю: "Так ты что хочешь: она влюблена или в нее влюблены?" Я говорю: "Ну, типа любовь..." А он: "Он только последняя!" Так у него и не пошел этот сценарий.

Мне одна тетка прислала письмо: "Нонна Викторовна, мы вас так любим, вы снимаетесь — хоть как, хоть с палочкой".

Не знаю, как повернется, но сейчас, честно скажу, я не хочу больше сниматься в кино. Я не хочу прятать руки эти вот переработанные с жилами. Не хочу. Анатомия уже не то пошла. Раньше можно было припрятать. Я, знаете, что один раз сделала? Решила поправить свой возраст в паспорте. На десять лет. Взяла бритвенку, подчистила, навела там живописи. И получила такая цифра! И потом я решила больше этого не делать никогда. Паспорт испортила, штраф заплатила и десять лет не выиграла. А так хочется — прямо черт знает, откуда что берется.

Мне предлагали преподавать. И в ГИТИСе, и во ВГИКе, и в другой город просили ездить хотя два раза в месяц. Я никогда на это не соглашалась и не соглашусь, потому что я человек очень необъективный. Я не могу эти вот хитрости: ждать терпеливо пока повестка станет талантливей или сквантнее придет. У меня такая характер: я или буду ей писать шить, буду кормить ее, квартирую, или на следующий день выгнать. А чему я их могу научить хорошему? Замуж я выходила неправильно. Жизнь прожила не очень правильно. А профессия — как ее выучить? Она, по-моему, даже частично неуловима. Иногда уходило из павильона, дежурная лампочка только остается, разбитая посуда, яблоко надкусанное, и думаешь: знали бы они, что тут сейчас творилось. Как все было алогично, как все непонятно и как все мокры уши и все довольны, что есть хороших два дубля.

Фото Галины КММТ.

Записки актрисы

Литературное творчество Нонны Мордюковой знакомо читателям по публикациям в журнале "Октябрь" (№ 7, 1988 год и № 4, 1993 год). Новые главы ее записок, одну из которых мы предлагаем вашему вниманию, выйдут в "Октябре" в начале будущего года.

Когда в теплую городскую квартиру втаскивают срубленную елку, в дом входит лес, небо, морозный воздух. Человек рад встретить Новый год возле наряженного чуда. Елочка смиренно служит хозяевам. Ей, может быть, не нравится прикасаться к толевым занавескам и к полированной мебели, но она помалкивает. Вошедшая в дом зеленая красавица явилась от земли, дороги — отсюда, где начинается все и вся. Вот так же, откуда-то "оттуда", где лес, дорога, песня, колоски хлеба, явилась Саша Порогова и предстала перед экзаменационной комиссией актерского факультета Института кинематографии. "Не звали? А я тут?" — словно хотела сказать. Дыхание не унять, волнение тоже. Будто от самого села Шураново бегом бежала.

С улыбкой, готовая выполнить любое задание, Саша никак не могла справиться с волнением. Что вы будете читать, девушка? — Читать? — изумлением спросила она, — Ничего! — Как? Вы не подготовились? — Ну.

Приехали издалека... — Да вы не переживайте! — Вы хотите поступать на актерский факультет? Глаза Саши загорелись, она ждала подсказки. — Давайте я лучше спою вам! — Спойте, — согласилась комиссия, стараясь не спугнуть

Нонна Мордюкова

играть, а потом петь". Горячо и старательно принялась учиться Саша по всем предметам, особенно по мастерству актера.

На актерском факультете есть любимые ампула и недюбия. Саша скисала, когда нужно было надевать кринолины и в угуду программе быть светской дамой: да еще страдать, кричать и думать на "ихнем" языке. Отделавшись, она няряла к своим героям. Бить кулаком по подошве ботинка, возмущаться тем, что простому человеку можно и неосторожную кожу поставить, шепелявить и не выговаривать букву "эр". На очередном экзамене комиссия валилась от смеха. Иногда вырывались краткие аполлоиденты, что не разрешилось. А как в спектакле "20 лет спустя" Михаила Светлова исполняла Тоску! Сцена с типографским наборщиком. Первый комсомольский журнал. Это очень красиво: "Ю-ный пролетарий" —, — поясняя она нараспев. Точным жестом показывала, каким должен быть заголовоч.

Саша училась с душой, с полной отдачей. Радовалась, что

грамме роман. Она садилась и рассказывала. Шли и сдавали, кто на тройку, а кто и на четверку.

Сильный голос не соответствовал ее лирической внешности, шаловливости. Мы бесстрастно заводили ее в свободную аудиторию, просили спеть. Она не отказывалась — пела и пела. Меня Саша полюбила, урысками заглядывала в нашу аудиторию и, подморочив, вызывала в коридор на перемене.

Никто из нас не был еще влюблен: так, поцеловывались с мальчишками по темным углам — и все. Ребята с вечера дружок предлагали, к утру мы ни готовили ответы. Через сутки без обид и выяснений альянсы рушились. До серьезного дело не доходило — зачем? И так хорошо. Главное — блеснуть по основному предмету — мастерству актера. И педагог хлопотал по плечу, и мальчик какой-нибудь в столовую пригласит, или место займет в просмотровом зале, где фильмы показывали по программе.

Саша как-то надела ветхое тряпье старухи и так произнесла монолог на экзамене, что до слез все довела. Спектакль

Журан и сценарий

БЕНЕФИС

буду этот сценарий не только смаковать, но и еще — все режиссеры, которые со мной работали, не дадут соврать — буду его обогащать своими личными впечатлениями. Своей еще не оформленной литературой в клочках, которая в каких-то там мешках и чувалах пока валяется. Я их беру эти куски в роль.

Позтому позвонить мне самой какому-то режиссеру, это все равно, что предложить мужчине себя как женщину.

Были, конечно, времена Морозова, Дятлева. Не в менатотате дело, они же еще были и понимающими в искусстве людьми. Они знали, что им нужно. Понимали, как любить. Бы только не понимали меня так уж буквально, а то я сойду за городскую сумасшедшую. Я ведь не про романтические какие-то варианты говорю. Эта любовь в процессе, когда работаю, она совсем особенная.

Сейчас смешное рассказку. Когда мне позвонил один дядька чужой и говорит: "А знаете, вы входите в десятку лучших актрис мира", я думаю: ну что он мелет, чушь какая-то, наверное, надо где-то выступить, в совхозе где-нибудь или на ткацкой фабрике, вот он и брешет. Я говорю, спасибо, спасибо большое. Потом еще мазок какой-то, как зарница протепела: знаешь, ты там вместе с Раисовской и грузинкой Верико Анджапаридзе. О, Боже ж мой! Я не пойму, что же? И вдруг меня хватает паренек из "Аргументов и фактов". Прямо пришел в Олимпийскую деревню — я туда

танца в кинематографе"

плавать жожу. Спрашивает: как вы думаете, за что вас взяли в десятку? А я, честное слово, не знаю, кто взял. Он говорит: Лондонская какая-то академия, что ли. Они каждое столетие считают. Ну я прикидываю, если они в Европу, значит, наверное, "Комиссар" видели и "Родня". И только теперь я знаю, что они пастух человека лет пятнадцать, прежде чем его в эту десятку вставить. Все его провления: пишет ли он, поет ли он, нормальный он или немножко с приветом, все его роли, все эпизоды — абсолютно от корки до корки все учитывается. И за моей спиной меня включили, и только потом я уже начала изучать, что меня включили и что за десятка. Брунов как-то ошибся, не понял ничего и объявил на концерте: "Лучшая актриса десятилетия!" Ошибка-то хорошая, но у нас сейчас — вот так.

А когда-то у Григория Наумовича Чухрая в Экспериментальном его объединении на "Мосфильме" был такой человек, специалист, про которого мы и не подозревали. А он получал за это зарплату, он смотрел все спектакли Театра киноактера, он смотрел выступительные экзамены на актерских факультетах, личности выискивал. Он защищал кандидатуру — и чтобы человек был только из Театра киноактера, только с актерским дипломом. И ты был кум королю.

А когда Григорий Наумович стал пробовать на картину "Трясина" шестидесят одну актрису!.. а будучи с ним в дружеских отношениях, обходила его стороной. Хоть бы только он не подумал, что я хочу попасться

никаких. Началась полоса зстоя в нашей жизни. Саша, как птлык, была с утра на релетиции, хоть и не занятая в выпускаемых спектаклях: "Молодая гвардия", "Три солдата", "Машенька". Решила самостоятельно приготовить роль Любки Шевцовой. Я мизансцены показываю, за всех персонажей подыгрываю. Ее работа понравилась, но... Вел фильм уже был. Зритель, конечно, покупал билеты на нас — тех исполнителей, которых он знал по кино. Спектакль продолжал жизнь фильма "Молодая гвардия" при полных аншлагах. Новую Любу Шевцову зритель не очень-то жаловал.

И вот появляется в нашем театре знаменитый талантливый режиссер Алексей Денисович Дикий, чтоб поставить спектакль по пьесе А.Островского "Бедность не порок". Вывесили список назначенных на те или иные роли, и Саша, не увидев своей фамилии, высочила вон, чтоб не показывать свои слез. С издевкой нар собой и судьбой она подала заявку на эпизодическую роль придурковатой старухи. Таким образом Саша зажала спектаклем, влюбилась в Алексея Денисовича, а уж своей старухой уложила всех наповал. Придумала говорить низким голосом, сначала зыбкая, с протяжкой: "А-а-а", "а-а-а-а", — потом отмахивая рукой несуществующего проказника, который якобы норовил ухватить ее за уши или из-за пазухи что-то вытащить.

Островский не нарушался, а зал хохотал. "А-а-а-кх, кхе", — и поргизит пальцем зрителям, когда те гудят от смеха. Постоит, посморит, подождет, пока утихнут. Иногда этот номер не проходил — гулели долго. Тогда она садилась за стол. Сидит, степенно как из блюдечка поет, пока другие актеры "берут зал на себя". Но перед своей репликой заготавливает "вступительную" краску: как приснет, закакает, изображая смех, аж чертям тошно. Однажды вдруг замерла и стала глядеть, не мертва, на исполнительца главной роли. Актёр растеялся, подумал, что реплика забыл. Тогда она внезапно схватила его за ботинок и, разогнувшись, снова смотрит на него. Зал реагировал бурно, актер ушел вглубь сцены, чтобы скрыть давящий его смех. Саша с удивлением и наизиданием посмотрела на зал: дескать, в чем дело?

Боже сохрани, чтоб она помешала другим исполнителям или вышла за рамки спектакля. Режиссер одобрял эксперимент, и она развивалась, как хотела. А чего? У автора написа-

но: придурковатая старушонка. Мы были приятной массовочкой — пели и танцевали в русских сарафанах вокруг невесты. Особообшившись, поджидали Сашины подделки. Видавший Vielfalt Денисович Дикий смотрел на Сашу с изумлением. Над ее выходами он не хохотал, как все, а, опустив глаза, размышлял. Наверное, о ее таланте.

Но вот настал момент усомниться в отсутствии нечистой силы и проделок дьявола. Известный кинорежиссер, как это иногда делалось, прочитал сценарий будущего фильма. Режиссер — не Бог: поначалу и растерян бывает, не знает, с чего начать. А наши "гуси-лебеди" наготовили, надолпочут — рождаются атмосфера, жар. Голосные к работе актеры и выступают, и поговаривают, а то и предлагают свою кандидатуру, хотя бы на эпизод. Наши режиссеры, правда, охотнее приглашали на новый фильм уже известных.

Начинались кинопробы. Ох, кинопробы"! Это особая статья. Разрешитурешись, захажешься, понапримудуравшись, станьешься на пенку, а играть будет кто-то другой. По четвергам — худсовет. Смотрят, дымят, обсуждают и утверждают кого-то на роль. Помню, мне дали в этом фильме роль трактористки в эпизоде. Тут же с Кубани полетела режиссура от мамы: "Доченька! Ты как к трактору подойдешь, губы не кусай. Переберишь себе запястки с деловым видом, что было видно, что ты знаешь трактор, как свои пять пальцев". И вот четверг. Пробы смотрят творцы с "Мосфильма". Саша бедня не чула, была убеждена в том, что только она знает, какой должна быть Настя.

— А чего есть им надо? Где они найдут такую, как я? И мы, и преподаватели вздохнули с облегчением, восхитились точностью ее игры. Ассистент режиссера, искренне сожалея, как могла, подобрала слова и сообщила Сахе об утверждении известной актрисы Стрелковой на роль Насти. Оказавшись, за два дня до эпопозного четверга та изыскивала желание попробоваться на эту роль. Мы сидели недалеко от театра и от дома режиссера в квартире учительницы по танцу. Саша накнула пальто, вступила ногами в мужские ботинок и в мороз с непокрытой головой побжала к дому режиссера. Вбежала на

(Окончание на 10-й странице).

(Окончание. Начало на 8-9-й страницах).

четвертый этаж и позвонила в дверь. Открыла жена режиссера. Саша повисла на ней, потом сползла на пол и крикнула:

— Вера Николаевна! Меня не утвердили! Пропала моя Настя! Загуби-и-ли, загубили Настю мою дорогую! — завывала она.

Конечно, по законам нашей студии на эту роль могла подать заявку любая актриса. А уж утвердят, не утвердят — зависит от чувства и мастерства, знания сельского человека. Сыграть Настю плохо Саша не могла.

Я не простила Стрелкову. Зачем влезла? Ни себе, ни людям. Фильм получился прескверный. И особенно дурна Настя. Сугубо городская "кисейная барышня" перешла дорогу той, от которой расцвели бы и другие образы в фильме.

Переболела Саша не сразу. И в Дом кино мы не пошли на премьеру. Пусто было в зале. Смотрели позже в кинотеатре. Немного полегчало оттого, что фильм не получился.

— Она ровно девятилетнюю играет, — глядя перед собой, сказала равнодушно Саша. — А ей, поди, девятнадцать, а не девять.

— Бика! — выругалась я.

— Тих, тих!

Саша не любила бранных слов и всегда стеснялась всяких вольностей. Один раз еще в институте, на занятиях по акробатике, педагог простодушно сделал замечание:

— Ты почему лифчик не носишь? Пора.

Саша обхватила грудь крест-накрест обеими руками, села на корточки и просидела весь урок с красными ушами.

Идет жизнь дальше. Приглашают к нам в театр режиссера на постановку комедии из сельской жизни. Пьеса о том, как колхозники готовятся к олимпиаде, и как побеждают на ней. Масса песен, музыки и танцев, а также любовных историй. Саше поручили роль героини. Благодаря голосу она без труда опередила двух актрис, назначенных на эту же роль, и радостно вступила в бой за будущий спектакль. Роль — мечта! Режиссер первое время разевал рот и цепенел от неслыханного Сашиного голоса.

— Сашка, — шепчу ей, — опять эти пришли, в зале уселись.

— Эти? — специалисты, желающие пригласить Сашу на прослушивание в Большой театр.

— Бог с ними! Пусть сидят.

— Будете напевать, а не петь, — подбадривала она своих соперниц, — речитативчиком. Главное — сюжет, правильно?

Радостно улыбаясь, она предчувствовала жизнь на сцене своей полюбившейся героини. Девчонки втягивали головы в плечи, сомневаясь в себе, млея от Сашиного голоса и танцев, от всего, что она творила на сцене.

Порою, когда режиссер давал поблажку трепетно наблюдавшим девушкам, позволив им порепетировать на сцене, получалось очень неплохо. Они приятно напевали, хорошо двигались и танцевали. Обстановка была теплая и озорная. И вдруг в пустом зале появляется Стрелкова, та актриса, которая сыграла вместо Саши Настю. Села в кресло, не зная, кем приглашенная, и стала наблюдать за репетицией. У Саши подкосились ноги.

— И голоса нет, и слон на ухо наступил, — безучастно выдохнула она.

Дома расплакалась: кто угодно, только не она! Конечно, у нас театр-студия. Актёры имеют право подавать заявки, тем более Стрелкова — актриса с положением. Подходя к театру, Саша, задыхаясь, слышала упорные звуки рояля и "речитативчик" репетирующей соперницы. Режиссер знал, конечно, кто поддерживает и рекомендует эту актрису "с положением". Она, напевая и пританцовывая, сделала роль неплохо. Неплохо! А Саша — гениально! Пошли репетиции в очередь. Кто будет играть премьеру? Узел туго стянулся в сердце Саши и в душах доброжелателей. Режиссер растерялся: руководство посоветовало считаться с заслугами Стрелковой. Сорвавшимся голосом он сообщил о возможности жребия. Наступила гробовая тишина. Скрутили трубочкой бумажки со словами "да" и "нет" и опустили в игровую шляпку. Саша вытянула "нет". Шесть спектаклей должна сыграть Стрелкова, потом, как обычно, в очередь.

Ах, студенческое общежитие — душа моя! Какою интересною жизнью живет оно, не меняя сложившихся устоев и правил! Правила эти простые: где спит студент, где он греется, общается, дружит, туда и идет на ночлег. Очар! Гурт!

Освобождается от него общежитие не сразу. Уж и диплом, бывает, получит, а ноги сами идут к нагретому месту. Его никто и не прогоняет — он свой, привычный. Разберись, у кого диплом, а у кого еще нету. Тем более идти некуда и незачем. Койку заняли — не беда! Свободная всегда найдется. Стоит шесть кроватей, шесть тумбочек. У каждого свой мирок. Помню, Маша Колчина с художественного факультета на последние копейки купит сто граммов хлеба, кусок сахара, беломорину и... ромашку. Утром гимнастика, обливание холодной водой, чай с хлебом, беломорина и ромашка в стакане на тумбочке.

Открывается дверь без стука.

— Залепухина Милка еще не пришла?

— Пришла. На кухне она. Садись. Ты с какого?

— С рыбного!

Вот и все. Познакомились.

Сновали и знакомые и незнакомые. Бывало, уж и семья сложится, а завалиться в общежитие — святое дело. Благоустроено на душе.

А как никого уже не останется из своих, то пора и честь знать. Перестает тянуть в общежитие, да и становится неприлично светиться там с незнакомыми.

Саша позже нас была лишена удовольствия появляться в общежитии. Ее учеба в музыкальном училище давала право на койку у девчат в комнате. Как-то звонит она мне по телефону и сообщает:

— Нонк, я в Большом театре.

— А что ты там делаешь?

— Распеваться сейчас буду. Может, подрулишь?

Раньше я не красилась. Как говорится, подпоясался — и вперед! Язык до Киева довел, отыскала концертный зал Большого театра и ахнула. Зал торжественный, любой голос примет. "Вы оперу любите?" "Не знаю..."

Я впервые слушала неподвижно стоящего человека, из которого шел голос, исполняющий классическую партию. Мне казалось, что голос тут же сорвался бы, если бы человек шевельнулся. Все подчинено голосу, его посылает неведомая сила. Подходят к роялю и будто помещают себя в кокон. Лицо захвачено звуком и смыслом пения.

Вот и Саша. Я такой ее никогда не видела. Это как бы ее другая жизнь, которую мы не знали. Она подошла к роялю, положила на него правую руку и с выражением "не обессудьте" сдвинула брови домиком; опустила очи и после паузы вывела первую музыкальную фразу: "А-а-ве Мари-и-я". Шуберт. Хочется плакать.

Слышал этот зал за долгие годы многих. И вот Саша. Акустика стала партнером красивого голоса. Певцам здесь привольно. Голос становится плотным и обворожительным. Сидящие вытянули шеи и стали внимать Сашиному голосу. Да, исполнила она что надо! По окончании выдержала паузу, потом ослабила позвоночник и сняла руку с рояля. Поклон был почти незаметен. Аплодировать нельзя, но по спинам было видно, с какой силой сразила слушателей Саша.

Она прошла первым номером, но не в Большой театр, а в поездку в Лондон с группой молодых музыкантов и певцов. Внизу, у выхода, мы группкой остановились, чтоб перева-

Нонна МОРДЮКОВА

Саша

рить случившееся.

— Пойдемте в общежитие! — предложила Саша.

— Пойдемте, — поддержала я, хоть и знала, что дома на плите обед разогревается — сын и муж ждут. Ну да ладно!

Уехала она в Лондон. Мы уже и забыли, вдруг слышим — возвращается. Поехали встречать. Поезд подошел, молодежь загалдела: встречи, рукоплескания, радостные возгласы. Смотрю, Саша выставляет заморский чемодан из вагона и с озабоченным лицом ищет нас. Шепчет:

— Берите чемодан. Я приеду попозже.

— Попозже? Почему?

— Извините! — Симпатичный парень галантно взял Сашу под локоток, и они смешались с суетой перрона.

Вот это номер! Сели в метро, инородным блеском светился огромный чемодан из натуральной кожи. Приз, наверное, там. Мы знали, что Саша получила Гран-при. Разъехались по домам. Сколько ни созванивались, новостей никаких. Пришла Саша поздно, а утром тихо сказала девчонкам:

— Не знаю, где мне пожить, допросы только начинаются.

— Не выдумывай, здесь живи!

Потом мы узнали, что в Лондоне Сашу действительно приглашали в Королевскую оперу. Угрозы со стороны наших и посулы любых условий со стороны Лондона замучили ее. Кто-то из музыкантов советовал согласиться попеть вдоволь, заработать, кто-то отмалчивался, а кто и понимал, что дома неминуемо возмездие.

Мы до сих пор не знаем, что же тогда произошло. Сашу в Лондоне превратили в дорогой товар и стали драться за него. Она была в смятении. Кончилось дело тем, что за кулисами ее ждал

"человек из наших". Саше

купили билет на самолет, как и всей группе, но нашлись люди, которые спрятали Сашу,

чтоб не дать ей улететь, остаться в Лондоне. Сейчас это уже отработано и не удивляет никого.

Но в те времена — Боже, сохрани! Подумать о таком шаге не приходило в голову.

Сообщали о Барышникове, Нуриеве, как о выпавших в Бермудский треугольник. Хана!

Саша похудела, побледнела. Машинально захаживала в театр, ненадолго — и в общежитие.

Напористость допросов была по причине незна-

ния, дала Саша согласие Лондону или нет. Мы недоумевали: разве можно так

долго мытарить человека? Стала она безвы-

лазно лежать на кровати в общежитии. Машина приезжает, увозит ее — и к вечеру обратно. Вдруг ранним утром звонок:

— Нонка, скорее! Саша умерла.

Оказывается, она ночью выпила полную бутылку уксусной эссенции, стала метаться, стонать. Девчонки включили свет, напугались, бросились помочь ей. Она громко застонала, подбежала к окну и выпрыгнула. Пятый этаж не убил ее. Бедняжка была еще жива несколько минут и успела с виноватой улыбкой произнести: "Скажите всем, что я согласилась в Лондоне попеть". Попросила простить ее и семье передать, написать на родину. Подъехала "скорая". Медбрат похлопал по щекам, пощупал пульс.

— Конеч, — сказал он. — На носилки, в машину!

Дверцу закрыли, уехали — и все.

Были: замученная кровать, разобранное постельное белье, тетради, книги, окно открытое, она вылетела из него, как птица, оставив за собой след энергии жизни. Девушки онемели от незнания причины происшедшего. Все напугались милицейского мундира, однако, один писклявый голосок, рыдая, осмелился объяснить, как было дело.

Я поплелась к троллейбусной остановке. "Сашки нету. Но осталась сердцевина ее — голос, талант, душа".

Суетится Москва и не знает, что на узкой улице Саша лежала мертвая, еще теплая, унося с собой неоценимое богатство — дар показывать людей и воспевать их.

Истинно народный талант угас.

